

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Вопросы этнической истории эстонского народа. Сборник статей. Под ред. Х. А. Моора. Академия наук Эстонской ССР, Институт истории. Таллин, 1956. 328 стр.

Основные задачи этой ценной книги очень четко определены в первых же строках предисловия к ней. «Сложные вопросы этногенеза,— читаем мы там,— изучаются представителями ряда научных дисциплин: языковедения, археологии, палеоантропологии, этнографии и др. Процессы этнического формирования племен и народов восходят к весьма далекому прошлому, по которому каждая из названных отраслей науки в отдельности располагает лишь очень скудными и отрывочными данными. Поэтому неоднократно высказывалась мысль, что изучение вопросов этногенеза может дать полноценные результаты лишь при условии, если ими будут заниматься соответствующие отрасли науки не обособленно, а совместно» (стр. 3). В соответствии с этим единственным правильным подходом к изучению проблем происхождения народов и их дальнейшей этнической истории в рецензируемом сборнике помещены статьи эстонских языковедов, археологов, антропологов, этнографов и фольклористов, объединенные общностью тематики и взаимно согласованные еще в процессе их подготовки, которая проводилась под руководством редактора книги — проф. Х. А. Моора, одного из крупнейших ученых Советской Прибалтики, ныне действительного члена Академии наук Эстонской ССР.

Языковедам в сборнике принадлежат статьи П. А. Аристэ «Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития» (стр. 5—27) и А. Х. Каска «К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов» (стр. 28—48). Работы археологов наиболее многочисленны: к ним относятся статьи Х. А. Моора «Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии» (стр. 49—141), Л. Ю. Янитса «К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР» (стр. 142—171), М. Х. Шмидельхельм «О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э.» (стр. 172—186), М. К. Вассара «К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии» (стр. 187—218). Из остальных трех статей одна написана антропологом (К. Ю. Марк — «Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии», стр. 219—242), одна — этнографом (А. Х. Моора — «Об историко-этнографических областях Эстонии», стр. 243—292) и одна — фольклористом (Х. Т. Тампере — «Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества», стр. 293—318). Все статьи написаны по-русски: в конце книги помещено их резюме на немецком языке (стр. 319—328). Сборник богато иллюстрирован — в нем 100 рисунков, среди которых особенно интересны многочисленные археологические, палеоантропологические, этнографические и диалектологические карты, фотоснимки и рисунки археологических памятников, найденных в них вещей, современных предметов материальной культуры эстонцев.

Нет никакой необходимости подробно излагать содержание каждой из перечисленных работ. В передовой статье настоящего номера журнала, а также в помещенных здесь же статьях Х. А. и А. Х. Моора и Н. Н. Чебоксарова как фактические материалы, так и главнейшие результаты этих работ широко используются для обоснования выводов о существовании с древнейших времен (по крайней мере с периода неолита) особой восточнобалтийской историко-этнографической области с тремя подобластями (районами), о тесном взаимодействии в ее пределах прибалтийско-финских (эстоно-ливских) народов с балтийскими (летто-литовскими), о глубоких хозяйственно-культурных связях тех и других с соседними этническими группами, в особенности с восточными славянами (позднее — русскими и белорусами), а также со славянами западными (поляка-

ми), германцами (в частности, скандинавами) и финнами¹. Кроме того, ниже помещена рецензия Н. Н. Гуриной на книгу Л. Ю. Янитса «Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустьях реки Эмайгыги», вышедшую уже после рецензируемого сборника и содержащую в более полном и развернутом виде те же основные выводы, что и статья того же автора, помещенная в рецензируемом сборнике.

Но, не излагая содержания каждой статьи сборника, необходимо сказать о некоторых общих чертах, присущих им всем. Самая важная из этих черт — комплексность в подходе к проблемам этногенеза, совместная творческая разработка их учеными различных специальностей. Речь идет в данном случае не просто о работе ученых над одной темой, но о взаимном «перекрестном» использовании материалов своих коллег, представляющих другие отрасли знания. Поэтому-то в языковедческих статьях Аристэ и Каска мы находим много ссылок на археологические работы, а в статьях Моора, Янитса, Шмидехельм, Вассара встречаем сопоставления данных археологии с лингвистическими, палеоантропологическими и фольклорно-этнографическими данными. Аналогичное использование данных других дисциплин характерно также для антропологических и этнографических статей, помещенных в сборнике. Такой комплексный сравнительный анализ материалов разных наук позволил эстонским ученым прийти к очень важному выводу, имеющему общенсторическое значение, — к выводу о совпадении в основных чертах территории распространения локальных вариантов древних культур, антропологических типов, диалектов и историко-этнографических областей. Несмотря на качественные различия указанных вариантов, все они складываются только у реальных человеческих коллективов, занимающих определенные территории, и в той или иной форме отражают географическое размещение таких коллективов — древних племен и их групп — или более поздних народностей и наций. В Эстонии, например, уже по данным археологии выделяются два основных историко-культурных района — северо-западный и юго-восточный; они прослеживаются также по данным языкознания и палеоантропологии, а для более поздних времен — и по данным этнографии и фольклористики.

Комплексность в изучении вопросов этнической истории у эстонских ученых не ограничивается согласованной работой исследователей разных специальностей; комплексность эта очень ярко проявляется и в рассмотрении всех явлений в их развитии, связи и взаимодействии. Этногенетические процессы в Эстонии рассматриваются, исходя из этих установок, не изолированно, но в связи с аналогичными процессами в других частях Прибалтики и даже всей Восточной Европы. П. А. Аристэ пишет в своей статье о формировании всех прибалтийско-финских языков и об их взаимодействии с языками балтийскими (летто-литовскими), славянскими и германскими. Х. А. Моора и Л. Ю. Янитс дают, по существу, археолого-исторический очерк этнического развития населения всей Восточной Прибалтики, т. е. Эстонии, Латвии и Литвы, вместе с соседними районами РСФСР. К. Ю. Марк рассматривает историю антропологического состава не только эстонцев, но и их соседей — балтийских и славянских народов. А. Х. Моора и Х. Т. Тампере постоянно сопоставляют эстонские этнографические и фольклорные материалы с аналогичными данными по соседним русским и латышским группам. И оказывается, что языковеды, археологи, антропологи и этнографы говорят примерно об одних и тех же связях эстонского народа на различных этапах его этнического развития, об одних и тех же этнических компонентах, вошедших в его состав.

В результате согласованных исследований ученых различных специальностей, охвативших Эстонию вместе со всеми примыкающими к ней районами, постепенно вырисовывается — пока еще, правда, в общих чертах — сложная этническая история эстонцев. Отдаленные их предки — древние прибалтийско-финские племена охотников и рыболовов, проникшие в Прибалтику с востока еще на заре неолита (в IV тысячелетии до н. э.), ассимилировали здесь, по-видимому, более раннее мезолитическое население, говорившее, возможно, на каких-то не дошедших до нас «палеоевропейских» языках. В начале II тысячелетия до н. э. территории Эстонии достигли продвигавшиеся с юга земледельческо-скотоводческие балтийские племена, передавшие прибалто-финнам многое из своей культуры, но постепенно растворившиеся среди них на севере Восточной Прибалтики. В I тысячелетии до н. э. прибалтийско-финские племена, уже делившиеся на северозэстонские, южноэстонские и ливские, находились в интенсивном хозяйственно-культурном взаимодействии с летто-литовцами и западными славянами на юге, поволжскими финнами на востоке, прибалто-финнами Финляндии на севере и скандинавами на западе. С середины I тысячелетия н. э. северные и южные эстонские племена вступили в тесное взаимодействие с восточными славянами (кривичами и ильменскими словенами), часть которых осела на юго-востоке Эстонии и впоследствии непосредственно вошла в состав эстонской народности, сложившейся в начале II тысячелетия н. э.

Таковы, по данным эстонских ученых, основные этапы этнической истории эстонского народа. Трудно найти в СССР другой народ, у которого они были бы выявлены с такой ясностью. Заслуга исследователей Эстонской ССР выступает здесь очень отчетли-

¹ См. выше: «Двадцать лет Союзных Советских Социалистических Республик Прибалтики», стр. 3—20; Х. А. и А. Х. Моора, К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики, стр. 21—51; Н. Н. Чебоксаров, О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики, стр. 94—115.

во; их опыт должен быть обязательно учтен учеными других советских республик, работающими над проблемами этнической истории. Вместе с тем можно высказать и несколько критических замечаний и пожеланий в адрес самих эстонских коллег. Самое главное из этих замечаний относится к слабому освещению этнической истории эстонцев в XIII—XVII вв., когда археология уже молчит, а этнография еще почти ничего не говорит. Здесь особенно необходимы анализ письменных памятников, привлечение к работе историков «в узком смысле слова», т. е. специалистов, работающих над памятниками этого рода. А историки в Эстонии (как, впрочем, почти всюду) в разработке проблем этнической истории участвуют пока очень мало. Использование исторических письменных источников дало бы возможность эстонским ученым в большей мере, чем это сделано сейчас, связать этническую историю своего народа с его социально-экономической историей. Статья Х. А. и А. Х. Моора, публикуемая в настоящем номере журнала, показывает, что первые шаги в этом направлении уже делаются. Они должны быть доведены до современности: этническая история любого народа не заканчивается в средние века, но продолжается и в наши дни. Национальная консолидация — это и есть этническое развитие, происходящее в наше время; изучение его — одна из самых актуальных задач советских историков и в первую очередь этнографов. Надо надеяться, что в решении и этой задачи эстонские ученые окажутся в первых рядах.

Н. Чебоксаров

Л. Ю. Янитс. *Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР)*. Таллин, 1959, 380 стр. + 68 рис. + XXXV таблиц.

Рецензируемая книга — первый обобщающий труд по неолиту Эстонской ССР. До последнего времени изучению памятников, характеризующих древнюю историю Эстонии (в отличие от памятников более позднего периода), не было уделено достаточного внимания. Довольно суммарные и неотчетливые представления об этом длительном и важном периоде древней истории страны слагались лишь на основе случайных находок. Целеустремленные исследования в этом плане отсутствовали, что, естественно, не позволяло высказывать сколько-нибудь полные и обоснованные суждения. Впервые за решение этой важной проблемы взялись археологи Советской Эстонии.

Таким образом, сам факт появления данной книги — несомненно, важное событие в истории развития археологической науки не только Эстонии, но и, в большой мере, всего Советского Союза. Очень существенно при этом, что автор книги является вместе с тем и автором произведенных за последние годы раскопок неолитических поселений, которые и послужили основным материалом для обобщающих положений и выводов.

Читателю, познакомившемуся с содержанием указанной книги, становится ясно, что оно значительно шире весьма скромного ее названия, поскольку автор при использовании археологических источников и в своих выводах далеко выходит за пределы очерченной им территории — приустья р. Эмайыги. Он пользуется всеми известными к настоящему времени неолитическими памятниками Эстонии, давая их характеристику в главных чертах. Более того, также в сжатом виде им приведены и основные сведения о неолитических памятниках смежной территории — Латвии и Литвы.

Книга состоит из девяти глав.

Глава I (вступление) характеризует состояние изученности памятников эпохи неолита и раннего металла в досоветской Эстонии и попытки осмысления этих материалов отдельными археологами. Автор вскрывает политическую направленность сделанных ими выводов, обусловленных социальной принадлежностью этих археологов, вышедших из немецкого дворянства, как тенденциозное стремление показать отсталость местной культуры и приписать все достижения благотворному влиянию Запада.

Глава II посвящена описанию природной среды приустья р. Эмайыги. Автор показывает, что исследованные им памятники, использованные в качестве основных в этой работе, — Акали и Кулламяги — расположены на невысоких «болотных холмах», возвышающихся не более 0,5 м над большим пространством заторфованного болота. Время возникновения поселений относится к суббореальному периоду, о чем свидетельствует анализ пылицы и состав фауны.

Глава III характеризует поселение Акали, открытое в 1937 г. и исследованное в последующие годы (1949—1952 гг.), причем в общей сложности была вскрыта площадь, равная 515 м². В процессе раскопок выявлена стратиграфия памятника, которая положена автором в основу классификации археологического материала.

Глава IV посвящена описанию поселения Кулламяги, открытого в 1939 г. и исследованного в 1949, 1951 и 1952 гг., площадь которого равна 224 м². Отличие его от поселения Акали выражается в стратиграфии (культурный слой представляет песок вместо торфа), в меньшем количестве и однородности находок. Устанавливается, что Кулламяги было заселено людьми несколько позже, чем Акали.

В главе V дается краткий обзор поселений III — II тысячелетий до н. э., известных в настоящее время в Эстонии и на смежных территориях — в Латвии и Литве.